

*Ирина Ковалева Екатерина Вергасова
Наталья Тюкалова*

Хроники тихой войны

Ирина Ковалева

Хроники тихой войны

<https://litres.ru/73777331>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Хроники тихой войны» — это книга о людях, которых война не спрашивает, готовы ли они. О брате и сестре — Таку и Эйли, — осиротевших подростках, которые выживают на улице, а потом оказываются по разные стороны одной и той же беды: он — на передовой, она — в тылу, где тишина иногда страшнее выстрелов.

Книга — не о войне. Она о том, что происходит с людьми вокруг неё. О голоде, страхе, выборе без хороших вариантов. Она про негромкий, упрямый героизм, который проявляется в мелочах. Потому что самые важные войны — тихие. Они идут внутри, между людьми, за людей. И побеждают в них не те, кто громче стреляет, а те, кто не разучился варить кофе для тех, кого любит.

Содержание

Значок	4
Апельсин на елке	17
Раз-два-три	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Ирина Ковалева

Хроники тихой войны

Значок

Таку свернул за угол и остановился, чтобы отдышаться. Привалился к кирпичной стене, и спине сразу стало мокро и холодно. Дыхание со свистом вырывалось из горла, в груди болело. Он с трудом сглотнул. Топот множества ног был слышен все отчетливей и ближе. Надо двигать, пока «белые братья» не догнали, надо... Он с трудом отлепился от стены и, пожившись, сделал шаг, затем другой. Ноги слушались с трудом. Надо только дойти до поворота, только дойти, и тогда не найдут. За спиной раздался свист и вопль:

– Вон он!

И несколько глоток сразу подхватили:

– Вон он! Не уйдешь, сука!

Пронзительные голоса «братьев» подстегнули Таку, и он побежал, преодолевая противную ватность в ногах, продираясь сквозь ставший густым и вязким воздух, плохо видя дорогу впереди. За спиной нарастало чужое шумное дыхание, завывание и улюлюканье. Топот и звяканье о камни были просто оглушительными. Поворот, еще один. Таку в отча-

нении остановился перед глухим забором, с трудом переводя дыхание. Откуда он взялся?! Его не было здесь, точно!

– Что, крысеныш, попался?!

Таку обернулся и попятился. Они стояли полукругом, тяжело дыша, вывалив набок влажные языки и обнажив длинные белые клыки. С вытянутых белесых морд хищно и алчно смотрели маленькие красные глазки. Таку присел, протягивая руку, пытаясь нащарить хоть что-нибудь. Вожак, цокая когтями по асфальту, вышел вперед и ухмыльнулся всей пастью:

– Сдавайся, наарская крыса!

Таку покрепче сжал кулаки, встал и выпрямился, облизывая пересохшие губы и вздрагивая:

– Да пошел ты, тварь!

Белобрысая зверюга метнулась к нему, метя разверстой пастью в лицо, но удар почему-то пришелся в живот. Таку закричал, вцепившись в жесткую шкуру, сдирая ее с черепа твари, пытаясь оторвать от себя вгрызающуюся в его внутренности пасть...

– Таку! Таку!

Он с трудом открыл глаза. Горло саднило – словно он и вправду кричал. Сидящая рядом Эй склонилась над ним, положив ладонь ему на лоб, как это когда-то делала мама.

– Таку...

– О, нет... только не онээ-сан... – просипел он, еще не понимая, где находится, и тут же замер, осознав, что сказал

это вслух.

Он приподнялся. За окном серело небо. В неплотно закрытую форточку врвался сырой холодный ветер, завывая и брякая расхлябанной задвижкой. Таку сел и передернул плечами.

– Замерз? – в голосе сестры он услышал сочувствие и вину, и тут же замотал головой, одновременно натягивая на себя тонкое одеяло.

– Не... – голос сорвался. Таку прокашлялся и продолжил хрипловато: – Я нормально, онээ-сан.

Наяву они не были зверями. Просто отморозки в светлых куртках. Но в его сне всегда превращались в тварей.

Таку отогнал картинку и потер живот. Живот болел, словно белесая тварь продолжала выгрызать его изнутри. Ужасно хотелось есть. Эй заметила его жест и прикусила губу. Они оба знали, что в доме нет ни крошки, но им не хотелось об этом говорить. Таку потянулся за джинсами.

– Не будешь больше спать? – Эй по-прежнему сидела на краю кровати в одной длинной футболке, обхватив себя руками за плечи.

– Не... Выспался. – Он быстро натянул джинсы и взялся за толстовку. Дома было холодно, очень холодно. Да и заснуть на голодный желудок он все равно не смог бы. Значит, надо вставать.

– Точно? А то спал бы, рано еще. В школу же тебе не надо... – Эй вздохнула. Платить за школу давно было нечем. Как и за все остальное.

Таку взял одеяло и накинул сестре на плечи.

– Простынешь, онээ-сан, – и взглянув в ее застывшее лицо, торопливо добавил: – Да правда, онээ-сан, не хочу я больше спать, ну, честно!

Она зябко поежилась, кутаясь в одеяло:

– Таку... Ты стонал. Точно ничего не болит? – она снова прикусила губу, напряженно глядя на него. Таку яростно почесал лохматый затылок и быстро пригладил торчащие во все стороны рыжие вихры.

– Да сон просто приснился. Ничего у меня не болит, все нормально. – Живот снова скрутило болезненными спазмами, но Таку только сжал зубы. Он мужчина. Он должен быть сильным.

– Сон? – она недоверчиво нахмурилась. – Какой?

...Топот и жаркое дыхание за спиной. Злобные буравящие взгляды крохотных красных глазок. Смердная пасть. «Белые братья», стоящие полукругом...

– Ну... я типа дрался, ну и заорал, – он пожал плечами, натягивая носки. – Сон как сон. Ты сама-то ложись, онээ-сан, не выпалась поди. Возьми мое одеяло.

– Ну, спасибо, отото! – Эй улыбнулась, и Таку тут же рас-

плылся в ответной улыбке. С тех пор, как погибли мама и папа, Эй почти не улыбалась. Не улыбалась так. Не считать же улыбкой то, что она демонстрировала на улице. Может, кто другой и не замечал, а он, Таку, прекрасно видел разницу.

– Да пожалуйста, онээ-сан! – Он неуклюже чмокнул ее в щеку и пошел на кухню. Еды там, конечно, не было, но два стакана горячей воды могли успокоить желудок на часок, а там он чего-нибудь придумает... Он поставил чайник на плиту и полез в стенной шкафчик за кружкой. В палец воткнулось что-то острое, и он отдернул руку. На пол упал небольшой золотистый значок. Таку поднял его и положил на ладонь. Его школьный значок. Надо же, форму давно продали, а значок остался...

– Скучаешь по школе, отото? – сестра стояла в дверях, завернутая в одеяло.

Таку задумался. Не то чтобы он очень скучал по школе. Но когда он ходил туда, еще были живы папа и мама и Эй смеялась часто и искренне, и им не приходилось думать, где взять денег, чтобы прожить еще один день... Чайник засвистел, и Таку поднял голову, встречая взгляд голубых глаз сестры.

– Не, – легко сказал он, небрежно засовывая значок в карман. – Че скучать-то, занудство там одно. Будешь чай, онээ-сан?

Она кивнула, присаживаясь на табуретку, и Таку разлил кипяток по кружкам. Они называли его чаем, словно от этого он мог стать вкуснее. Таку грел руки о кружку и смотрел, как

первые лучи солнца расцвечивают серую улицу.

... белесые морды, острые блестящие клыки, «наарская крыса!»

Значит, выбора нет, ешь сам или съедят тебя.

Он допил подостывший «чай» и поднялся из-за стола. Эй тревожно взглянула на него:

– Ты куда?

– Пойду прогуляюсь. Че дома-то сидеть? – он быстро вышел в коридор.

– Таку!

Он вернулся в кухню, натягивая куртку, и сдернул со спинки стула свой рюкзак.

– Да не волнуйся, онээ-сан, я уже не маленький. На Мостах встретимся, где всегда. Джа наа! – И он снова вышел из кухни. Эй вышла следом за ним и, прислонившись к стене, смотрела, как он тщательно зашнуровывает кроссовки, сидя на корточках.

– Таку...

– Что, онээ-сан? – Он замер, не поднимая головы, таким странным голосом произнесла она его имя. – Что?

– Будь осторожен.

Он поднял на нее взгляд. Она смотрела ему в глаза внимательно и тревожно. По спине у Таку пробежал холодок. Она же не может знать, что он решил. Не может. Его онээ-

сан не одобрит такого решения, это точно. Но выхода нет. Он опустил глаза.

– Ладно.

Она вдруг присела рядом и взяла его за руку.

– Пообещай. Пообещай мне, что будешь осторожен.

Таку затянул последний узел и встал. Встала и Эй, вцепившись в его руку еще сильнее.

– Пообещай, Таку!

Он посмотрел ей глаза и твердо произнес:

– Я обещаю быть осторожным, онээ-сан. – Ее пальцы разжались и он несколько испуганно спросил: – Ты чего, Эйли?

– Ничего, – она покачала головой. – Это я так. Иди. На Мостах встретимся. Иди, Таку.

– Ладно... Джа наа.

Он закинул рюкзак на плечо и выскочил за дверь. Иногда Эй пугала его. Иногда она словно насквозь его видела. Он сжал зубы и тряхнул головой. Ну и пусть. Все равно так дальше нельзя. И надо поторопиться, пока «братья» не разошлись по домам.

– Давай думай, тока быстрее. У нас тут не любят тормозов, поэл? – коротко стриженный «брат» лениво тянет слова, перебрасывая папиросу из одного угла рта в другой. Розовая кожа противно просвечивает сквозь редкие белесые волосы.

«Братья» стоят за его спиной полукругом, переговарива-

ясь тихо, насмешливо: «Сопляк... Че, седня бить его не будем?.. Да зассыт он... Наарская крыса!.. Куна, уймись, завтра прибьешь...» Белобрысый сплевывает папиросу на асфальт. – Короче, чтоб завтра прихилил, поэт?

Таку мрачно смотрит на него. Выбор невелик. Или с ними, или против них. Но он стоит на своем.

– В понедельник, – он твердо встречает яростный взгляд маленьких красных глазок, – не раньше.

С минуту они смотрят друг на друга, и белобрысый вдруг отступает на полшага. Цедит сквозь зубы:

– Смотри, не придеешь – размажу!

Таку молча разворачивается и уходит. Вслед ему летит:

– Крыса наарская...

Таку вошел в полутемную подвальную комнату, скинул рюкзак с плеча и огляделся. Одной маломощной лампочки, свисавшей с потолка в середине комнаты, едва хватало, чтобы осветить старый продавленный зеленый когда-то диван и двух «братьев» на нем. Кресло в углу занимал третий «брат», которого было почти не видно в тени жестяного «абажура». Перед диваном стоял ящик, изображающий стол. С дивана навстречу Таку поднялся давешний белобрысый. Вытащил папиросу и сунул в рот:

– Че надумал?

– Я с вами.

Белобрысый уселся назад и переглянулся с двумя «бра-

тъями». Один из них, тощий, чернявый и остроносый, сплюнул на пол рядом с диваном, облизнул губы и прогнусавил, сверкнув стальной коронкой:

– Сперва в деле тебя проверим. Да, Хин?

Сидящий в кресле «брат» провел рукой по ежику коротко стриженных волос и ухмыльнулся, уставясь на Таку черными глазами. Кивнул, закинув в рот фисташку, раскусил и сплюнул скорлупки на пол. Его смуглая кожа почти сливалась с окружающим полумраком, только блеснули белые зубы за растянутыми в усмешке тонкими губами.

... влажные красные языки, слюна, стекающая по блестящим клыкам...

– Когда?

Чернявый азартно подался вперед, снова быстро облизнув губы:

– Вот прям щас пойдем! – и видя, как расширились глаза Таку, довольно засмеялся. – Зассал, малявка?

Таку закинул рюкзак на плечо и молча пошел к двери.

– Э! Ты куда! – чернявый аж привстал. Из изумленно приоткрытого рта белобрысого вывалилась папираса и упала ему прямо на штаны, прожигая дырку. Третий «брат» замер, не донеся до рта фисташку. – Ты охренел, что ли?

Таку остановился и обернулся, пристально глядя на чернявого:

– Сам сказал: прям щас. Че сидишь-то?

Хин захохотал. Он хохотал, запрокинув голову и притопывая ногой в армейском ботинке, а фисташковая шелуха смачно хрустела под рифленой подошвой. Первым очнулся чернявый и тоже засмеялся, поглядывая то на хохочущего Хина, то на Таку, изваянием замершего у дверей. Белобрысый неуверенно загыгыкал вслед за ними, разглядывая, впрочем, больше дырку на штанах.

– Из пацана будет толк! – Хин повернулся к чернявому. – Сога! Че сидишь, а? Сказал щас, вот и валяй! – он встал и подошел к Таку. – Что, не терпится, а? Щас все будет!

Он протянул руку к голове Таку, но тот быстро увернулся.

– Какая моя доля?

В наступившей тишине было слышно, как шлепнулась на пол папироса белобрысого. Первым очнулся чернявый Сога и визгливо захохотал, белобрысый присоединился почти сразу, успев выплюнуть:

– Ну щас тебя урюют, крысеныш!

Таку молча смотрел на Хина, а тот – на Таку, с интересом и любопытством.

– Не борзей, пацан, – наконец сказал он тихо, но внятно. – Твой номер шестнадцатый. До доли тебе, как до вершины Сайкохо. (*прим. самая высокая гора в Нааре и в мире*).

Таку дернул плечом, не отводя взгляда.

– Я был на вершине Сайкохо. А за бесплатно шею подставлять мне понту нет.

Хин снова захохотал.

– Сога! – рявкнул он, отсмеявшись. – Бери пацана! Да смотри, из того, что он возьмет, десятину ему оставь!

– Хренасе! А не жирно ему будет? – белобрысый насупился. – У меня из-за этого крысеныша дыра на штанах!

– Завались, Снуффи, я не с тобой разговариваю, – Хин сказал это спокойно, почти дружелюбно, но белобрысый вдруг увял, резко озаботившись количеством папирос в своей пачке, и Таку почувствовал что-то вроде уважения. Он тоже хотел бы уметь так... одним словом осадить разогнавшегося пса. Хин махнул Таку рукой. – Будешь у Соги. Сбор через десять минут у Черных ворот. Найдешь сам.

Таку кивнул и вышел. Дверь хлопнула за его спиной. Теперь он в своре. В белесой шкуре. И будет драться за кусок для себя. И для сестры.

...Солнце уже клонилось к закату, вовсю заливая набережную светом и разбрасывая ярко-золотые огоньки по воде. Эй все не было, и Таку ждал ее, облокотившись на перила старого деревянного моста. Он любил это место. Они часто ходили по этому мосту с мамой и папой, и часто играли здесь с онээ-сан, когда были маленькие.

Он сунул руку в карман и достал школьный значок. Покрутил его в пальцах. Школа. Семья. Счастливая, спокойная жизнь. Чтение вслух по вечерам с мамой, и ее поцелуи на ночь. Полушутливая борьба с папой, и серьезные мужские

разговоры....

А потом позвонили в дверь. Он плохо запомнил тот день – только фрагменты: чужие сапоги в прихожей, мамин платок, который она вечно забывала, а тут вдруг аккуратно сложенный на стуле, и лицо онээ-сан, когда она вернулась с порога. Белое. Чужое. Взрослое. Она тогда ничего ему не сказала. Просто обняла и долго не отпускала, и он чувствовал, как она дрожит, но не плачет. А через несколько дней сказала: «Папа и мама больше не придут». Он не спросил почему. Он просто кивнул и понял, что они остались вдвоем.

Золотистый значок искрился на солнце, посылая во все стороны маленьких солнечных зайчиков. Таку сжал его в кулаке. Все исчезло. Остались только они с Эйли. Он вытянул руку и раскрыл ладонь. Значок, сверкая, полетел вниз и скрылся среди бликов на волнах. Вот так. Прошное нельзя вернуть, его можно только отпустить. Так говорил папа маме, давным-давно, а Таку запомнил почему-то. А теперь понял.

– Таку!

Он обернулся, и сестра щелкнула кнопкой старой дешевой «мыльницы».

– Давно ждешь? – спросила она, протягивая руку, и он послушно подставил рыжую макушку под ее пальцы.

– Не, не очень... Пошли домой?

Она усмехнулась, убирая свои длинные черные волосы за уши.

– Нагулялся?

– Ага, – он сунул руки в карманы куртки и нащупал мягкие банкноты. Пять бумажек. Сегодняшний улов. Он отдаст их дома, ни к чему привлекать внимание случайных прохожих.

– Ну, пошли, – она протянула ему руку, и он поспешно стал выпутываться из кармана. Эйли посмотрела на его мучения и засмеялась, беря его под руку. – Пошли уже, отото!

– Пошли, онээ-сан, – он широко улыбнулся ей. Его онээ-сан смеется. Здорово!

И они пошли домой.

Апельсин на елке

Мордатый Шо остановился, тяжело дыша и потирая шею, по которой пришелся удар. Эй смотрела на него и ждала. В этот раз он не бросался с ревом – стоял, сжимая кулаки, и видно было, как тяжело ворочались в башке мысли.

– Давай, Шо, растопчи ее! – выкрикнул кто-то из круга.

Шо дернул головой, но не двинулся с места.

«Бульдоги», стоящие вокруг, откровенно забавлялись.

– Пятнадцать секунд, – сказал Ангелочек Ричи, устроившись рядом с сидящим на земле долговязым парнем. – Спорим, дольше не протянет?

Буг скovyрнул ножом грязь с подошвы.

– Тридцать. Она играетя.

Глумливые крики полоснули слух. Эй поморщилась, обводя взглядом гогочущих «бульдогов».

– Заткнулись все!

Ее голос прорезал общий гул, и все стихло. Эй снова посмотрела на своего незадачливого противника. Он все еще стоял напротив, разглядывая ее исподлобья. Парень точно решил, что над ним издеваются, когда Вик предложил ему подраться с ней в качестве вступительного испытания к «бульдогам». Губы Эй сами собой сжались в тонкую нитку.

Вик взял бы его и так (уличное мясо «бульдогам» всегда было нужно), но решил поразвлечься – за ее счет. Ублюдок.

Шо растерянно оглянулся по сторонам – помощи не было. Он снова шагнул к ней. Эй даже не сдвинулась с места. Просто смотрела, чуть склонив голову, и ждала – когда он снова кинется, снова промажет и врежется в стену. Она могла бы проделывать это еще долго. Пока ему не надоест. Пока он не сломает себе что-нибудь или не заработает сотряс.

Интересно, «братья» так же принимали Таку?

Руки, все еще готовые встретить его и отправить всей массой в стену, опустились сами собой. Она поинтересовалась, заправляя за ухо длинный выбившийся из хвоста локон:

– Все еще хочешь с нами?

Вокруг загалдели – на этот раз недовольно.

– Э, нет, так не пойдет, – дернул Буга за плечо Ричи. – Эй, да ты оху... ты чего? Мы тут с Бугом... – он глянул куда-то вбок и закончил: – По... спорили...

Эй усмехнулась – игры кончились, мальчики. Вик, невысокий, в потертой куртке не по размеру, шел к ним, и «бульдоги» расступались. На ее плечо легла широкая жесткая ладонь. Над ухом раздалось негромкое:

– Нормально. Хочет с нами – значит, будет с нами. Ну а что не одолел тебя в драке...

Среди «бульдогов» снова загыгыкали. Вик обвел взглядом стоящих вокруг, задержав на секунду тяжелый взгляд на

Ричи, и приподнял бровь:

– ... что, тут есть желающие подраться с Эй?

Смешки мгновенно стихли. Буг уронил нож, а Ричи съехался, стараясь отодвинуться. Эй дернула повыше расползшийся хвост, провела по голове рукой и стянула резинку, распуская волосы – доберется до расчески и сделает хвост заново. Она ничуть не беспокоилась. Поржать над новичком – это всегда пожалуйста. А выйти один на один – никто ни разу не вызвался. Вик прищурился и, словно отвечая ее мыслям, насмешливо прокомментировал:

– Желающих не видно, ага.

И снова повернулся к новичку:

– Эй – один из наших лучших бойцов. Видишь, и эти ребята не горят желанием огрести. А твоя сила нам очень пригодится.

Эй вздохнула, глядя, как Вик подходит к новичку и хлопает его по плечу со словами:

– Теперь ты с нами.

Расческа нашлась в кармане старенькой ветровки – перед боем Эй аккуратно сняла ее и оставила на сиденье байка Вика. В очередной раз дав себе слово купить нормальную расческу, она принялась убирать волосы назад. Крошечный гребешок путался в густых волосах – Эй шипела от боли и изредка поглядывала на себя в зеркало заднего вида. Она и сама не поняла, что заставило ее насторожиться – шорох или

мелькнувший в зеркале медный отблеск? Рука еще продолжала вести гребешком по волосам, когда тело уже начало движение. Два стремительных шага – и Эй нырнула в густые кусты, скрывавшие сетку заброшенной баскетбольной площадки. Пальцы сжались на чем-то мягком – и через несколько секунд она вытащила из кустов рыжего парнишку лет тринадцати, который послушно семенил за ней, скрючившись от боли в зажатом ухе.

– Ой! Ой-ей-ей-еей, онээ-сан, пусти, ой, онээ-сан!

Не отпуская ухо, Эй прошипела:

– Какого шеха ты здесь делаешь?

– Я... ай... блин, онээ-сан, больно-то как!

Она сердито повторила, наконец выпуская ухо, уже ставшее багровым, как петушиный гребень:

– Я спросила, какого шеха ты здесь делаешь, Такеру Сато?

Паренек немедленно схватился за пострадавшее ухо, шмыгнув носом, и страдальчески произнес:

– За что, онээ-сан?... Больно-то как... Ай!

– Мне в третий раз спросить, братец? – ласково осведомилась Эй, крепко сжимая другое ухо. – И на этот раз я хочу услышать нормальный ответ.

– Я посмотреть, – паренек снова шмыгнул носом, – хотел... отпусти, онээ-сан, ну сумимасен, ну вырвалось... ой!

– Посмотреть! – забывшись и еще сильнее сжав злосчастное ухо, воскликнула она вслух и тут же, спохватившись, выпустила его и понизила голос: – Блин, вот идиот! Не хватало

только, чтоб Вик тебя здесь увидел!

– Я спрятался, – мрачно пробубнил рыжий, потирая теперь уже оба уха.

Эй посмотрела на его медную шевелюру, пламенеющую в наступающих сумерках, на симметрично распухшие уши и хмыкнула:

– И как? Удачно спрятался?

– Сначала да, – буркнул он. – Кто ж знал, что эти кусты гребаные... сумимасен, онээ-сан!.. Кусты эти нифига не скрывают...

Эй села на полуразрушенный бетонный блок и похлопала по остывающему камню рядом с собой.

– Много видел? – хмуро спросила она, протягивая руку к рыжей челке.

Парнишка зажмурился было, втянув голову в плечи, и неуверенно заулыбался, когда тонкие пальцы ласково проšliсь по его волосам, окончательно их растрепав.

– Да все видел, – осторожно ответил он, потерявшись о ее ладонь, и добавил, не сдержав радостной улыбки:

– Здорово ты его, онээ-сан!

Она в последний раз провела маленькой крепкой ладонью по его волосам, осторожно коснувшись все еще горящего уха.

– Иди отсюда, Таку. Мне нафиг не надо, чтобы Вик тебя здесь спалил. Дома увидимся.

Таку открыл было рот, очевидно, намереваясь возразить,

и тут же закрыл, поймав ее взгляд. Так и не сказав ни слова, он поднялся, вздохнул и, развернувшись, пошел прочь. Она смотрела ему вслед, и вечерняя улица расплывалась перед глазами. К «братьям» сейчас идет, наверняка... деньги добывать. Оставалось надеяться, что Вик его не видел и не велит избавиться от малолетнего шпиона. Она провела рукой по глазам, сердито смахивая непрошеную влагу, и тоже поднялась. Надо возвращаться к остальным, пока никто ничего не заметил.

В тот день в дверь позвонили и она открыла, даже не задумываясь – папа с мамой как раз должны были вернуться. Но вместо них на пороге оказалась соседка, миссис Тигг, и незнакомый полицейский.

– Эйли, деточка...

Она почти не помнила слов – только мокрые глаза миссис Тигг, мамин платок в ее дрожащих руках и сапоги полицейского, оставлявшие грязные следы на полу. «Авария, мисс. Дождь, скользкая дорога... никто не виноват...» Дверь за ними захлопнулась, а Эй стояла в прихожей, не в силах двинуться. А потом из комнаты вышел Таку и спросил: «Онээ-сан, а когда папа с мамой вернутся?» Она тогда не смогла сказать правду. Только обняла его покрепче. А через три дня все-таки сказала. И он не плакал. Только кивнул и спросил: «Мы теперь одни?» «Мы теперь одни», – ответила она. И поклялась себе, что справится. Что бы ни случилось, она его сбережет.

И вот теперь он идет к «братьям», а она ничего не может с этим сделать. Только смотреть вслед и надеяться, что ее клятва чего-нибудь стоит.

Эй вздохнула, запахивая куртку, и пошла обратно.

За окнами было совсем темно, когда хлопнула входная дверь и хриловатый мальчишеский голос позвал из прихожей:

– Онээ-сан, ты дома?

Она выкарабкалась из глубокого старинного кресла, в котором задремала, и вышла в прихожую, завернувшись в старенький клетчатый плед. Брат уже успел кинуть на вешалку куртку и теперь возился, расшнуровывая кроссовки. Услышав ее шаги, он поднял голову и пропыхтел:

– Онээ-сан... а я... тут...

Совладав наконец со шнурками, он распрямился и, подняв с пола небольшой бумажный пакет, протянул ей:

– Вот, онээ-сан. Это тебе.

Эй заглянула в пакет и широко улыбнулась, а потом обняла брата и звонко чмокнула в нос.

– Вот, – повторил он, смущенно потеряв нос рукой.

Эй вытащила из пакета невероятно вкусно пахнущий свежий пончик, посыпанный сахарной пудрой, и снова улыбнулась:

– Бли-и-и-и-ин! Вкуснятина-то какая!

Пончики выглядели аппетитно и пахли так, что рот немедленно наполнился слюной. Хотелось взять их и есть,

есть, пока не останется от них ни единой крошки. И она непременно сейчас этим займется. Сейчас они с Таку пойдут на кухню, поставят чайник и будут пить «чай». Пусть просто кипяток, зато с пончиками, м-м-м... Сейчас. Осталось только еще одно дельце.

Она подошла к вешалке, волоча за собой плед, запустила руку в карман своей ветровки и вытащила маленький сверток темной ткани.

– У меня для тебя тоже есть кое-что, – сказала она, глядя на брата и по-прежнему улыбаясь. – Когда в следующий раз будешь прятаться – надень. Ты со своими волосами, как апельсин на елке.

Таку развернул ткань и ухмыльнулся. В руках у него была новенькая бандана.

Раз-два-три

Таку снова покрутил головой, оглядывая большой, ярко освещенный зал. Глаза сразу разбежались от блеска парадных костюмов и вечерних платьев. Наверное, когда-нибудь он привыкнет ко всему этому... говорят, такие приемы граф устраивает раз в пару месяцев. А раз уж он загремел в кадетское всерьез и надолго, то бывать на них всяко придется. Он поправил немилосердно жавший воротничок новенького, еще необмятого толком парадного мундира, надетого всего пару раз, снова огляделся, неловко переступил с ноги на ногу по натертому до блеска паркету. Может, когда-нибудь он и привыкнет, но сейчас ему здесь решительно не нравилось.

– Таку, блин, а нам-то чего делать? – высокий тенорок Минка Даффнера, точно так же топчущегося рядом, не знающего, куда деть руки, выдернул его из размышлений.

– Как чего, – ответил он машинально, оборачиваясь к приятелю, – известно чего. Не отвечивать, авось не заметят!

Рядом раздался смех, и Эй снисходительно пояснила:

– Ну как что? Что на приемах обычно делают? Общаться, конечно! – она взяла под руку стоящего рядом с ним светловолосого лопоухого парнишку в парадной кадетской форме и церемонно сказала, старательно удерживая смех: – Минк

Даффнер, пригласите уже свою даму на танец, шех вас заберите!

Минк замялся, явно вспоминая, как бы это... Наконец Таку фыркнул:

– Минк, ну ты блин даешь! – он посмотрел сестру, улыбнулся, склонился перед ней в поклоне и отработанным жестом предложил ей руку: – Мисс, позвольте пригласить вас на танец!

Она выпрямилась, подняла подбородок, окинула его слегка надменным взглядом и Таку встревожился, надеясь, что не наложил с этим приглашением. Да нет, вроде бы... или надо сначала руку было... да шех их заберите, эти церемонии! Окончательно расстроившись и уверившись в собственной неотесанности, он поднял на Эй несчастные глаза и увидел протянутую в ответ руку и озорную улыбку. Он не успел толком возмутиться, – она дразнит его, когда он и так не в своей тарелке! – как музыка вальса, плавная, мощная, поплыла над залом. Таку замешкался было, глядя на танцующие пары и прикидывая, как бы это половчее начать, чтобы никому не помешать и не устроить тут свалку, но она положила ладонь ему на плечо, другой рукой взяла за кисть и встала в классическую позицию для камбрийской программы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.